

ВЧЕРА ИСПОЛНИЛОСЬ 75 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. Д. ШОСТАКОВИЧА

ВЕЛИКИЙ КОМПОЗИТОР ХХ ВЕКА

В одном из документальных фильмов о Дмитрии Дмитриевиче Шостаковиче мы видим: композитор сидит в купе мчащегося поезда и долго смотрит в окно, заплаканное дождем. За кадром звучит музыка Тринадцатой симфонии. Ни тени умиротворения на напряженном, со стиснутыми губами лице. Ни секунды покоя не дают себе пальцы рук. Кажется, мозг композитора погружен в какую-то яростную тишину, готовую взорваться звуками. Незабываемое лицо человека, для которого мир—вечное рождение музыки, а музыка—вечная исповедь...

Страсть композитора к исповеди музыкой настигала его везде. «Внешняя обстановка, комфорт для меня ничего не значит,—рассказывал Шостакович.—Те, кто думает, что красивую музыку легче писать в прекрасном дворце, ошибаются. Я, например, не раз писал, едучи в поезде, в неудобной позе... Преодолевать в процессе творчества приходится самого себя, а не внешнюю среду».

«Преодолевать самого себя»—точней не мог сказать о себе этот совестливейший человек и величайший художник нашего времени. Потому что создание музыки для Шостаковича всегда было актом борьбы за новые идеи, новую глубину мироощущения, новую красоту. И всегда—полемика. Сколько споров вызывала, например, его Четырнадцатая симфония! Шостакович не мог пройти мимо таких глобальных тем искусства, как «поэт и вечность», «жизнь и смерть». Но он подошел к ним, не повторив ни одного из своих великих музыкальных предшественников, будь то Лист или Чайковский, Мусоргский или Рахманинов. «Я полемизирую с классиками»

—заявил композитор перед прослушиванием Четырнадцатой, в которой он ставит человека лицом к лицу со смертью лишь для того, чтобы защитить жизнь, сделать обли-

чение смерти проповедью жизни.

В Шостаковиче-композиторе, точно так же как в Шостаковиче-человеке, уживались рядом, казалось бы, совершенные противоположные начала: доброта и ожесточение, непреклонность фанатика и засстенчивость юноши, духовность гения и трезвый материализм человека XX века. И потому в его музыке по-шекспировски близко смыкались величие и смешное, трагедия и фарс. Его сердце было всегда открыто для правды. Его острый, наблюдательный ум сохранял всегда поразительную объективность и широту видения мира. И потому, наверное, никому из композиторов-свременников не удалось, подобно Шостаковичу, отразить в музыке социальную картину мира с такой обжигающей правдой и полнотой.

Пятнадцать симфоний и пятнадцать квартетов, две оперы, оперетта и три балета, музыка инструментальных и вокальных жанров — от концерта до сонаты и фуги, от оратории до песни, музыки для театра и кино — все формы композиторского искусства объял и реформировал могучий музыкальный интеллигент Шостаковича. И в каждом создал неповторимые по звуку и форме воплощения образцы.

В музыке Шостаковича, как писал композитор Родион Щедрин, — «пульс нашей жизни». Она полна страстного протesta против жестокости, мещанского благодушия. И в то же время эта музыка — всегда гимн человеку... Гуманизм и гражданственность — вот тот фундамент, на котором воздвигнуто здание «стиля Шостаковича».

Он был из первого поколения воспитанников Октября. Он помнил взбаламученные улицы Петрограда 1917 года, стычки революционных демонстрантов с полицией. Однаждцатилетний композитор уже писал в те годы свои первые сочинения — «Гимн сво-

боде», «Солдат», «Траурный марш памяти жертв революции»...

Революция рано пробудила в нем гражданские чувства, рано связала в сознании мотивы борьбы и скорби о павших борцах. В зрелые годы эти мотивы нашли свое высокое воплощение в таких произведениях, как Десять поэм для смешанного хора на слова революционных поэтов и Одиннадцатая симфония «1905 года».

«Октябрьская революция, — вспоминал Шостакович, — определила жизнь моего поколения. Стиль творчества. Тематику. Язык. А главное — она создала тот подъем эмоциональных сил и ту особую душевную «температуру», которая всегда поднимает творчество над обыденной житейской суетой...». Вот почему музыка его всегда враждовала с сыртым благодушием, эстетской красивостью игры в звуки. По словам академика Бориса Асафьева, музыку Шостаковича насыщают «звукобразы еще неслыханной назематерилизованности: будто это не музыка, а нервный тон мощной напряженности». Порой кажется: эта музыка способна «физически» скрушить зло. Она так преобразующа, что как бы вырывается за грани чисто эстети-

ческого, вторгаясь в сферу собственно истории, социальных преобразований, философской деятельности.

Не было еще случая во всей музыкальной истории, чтобы огромное произведение — симфония — создавалось в гуще отражаемых исторических событий, подобно тому, как создавалась в первые месяцы Великой Отечественной войны гениальная Седьмая (Ленинградская) симфония Шостаковича. Она создавалась как оперативный документ эпохи. В сущности, эта симфония стала фактом антифашистской борьбы, охватившей тогда все человечество.

Кадры кинохроники сохранили облик «неистового» Шостаковича, творящего за роялем, в сплохах ночного блокадного Ленинграда. Он защищал город, сочиняя неслыханную музыку, которая, по его словам, «неудержимо рвалась из него». А потом надевал пожарную каску и шел дежурить на крыше консерватории или ехал со студентами строить оборонные сооружения. А на эскизных записях новой партитуры появлялись обведенные кружками «немузыкальные» знаки «в. т.» — воздушная тревога...

Чтобы исполнить симфонию в блокадном Ленинграде, в августе 1942 года поднялся с койки стационара для больных и ослабленных дирижер Карл Элиасберг. А на эстраде Большого зала филармонии рядом с артистами во фраках сидели люди в военной форме... Седьмая симфония за один год облетела весь мир и была только в Соединенных Штатах исполнена 62 раза под управлением величайших дирижеров — Тосканини, Стоковского, Орланди, Митропулоса Монте. 134 радиостанции США и 99 радиостанций Латинской Америки транслировали ее исполнение. Дирижер Сергей Кусевицкий сказал тогда: «Со времен Бетховена еще не было композитора, который мог бы с такой силой внушения разговаривать с массами».

Шостакович совершил переворот в музыке. Он совершил то, о чем писал А. В. Луначарский, предсказывая приход после победы революции музыкантов «бетховенского» типа. Он возвратил симфонии (давно терпевшей кризис на Западе) ее большую многогранную драматургию, психологическую глубину, социальное звучание. Он сделал симфонию орудием гуманистического действия, изобличения, сострадания и борьбы.

«Главное — любовь к людям, составляющим оплот культуры, цивилизации, жизни», — говорил Шостакович, имея в

виду идею своей антифашистской Седьмой симфонии. Но можно назвать это главной идеей и всего его творчества. Все этой идеи невозможны были бы ни Пятая симфония о становлении личности нового человека, ни гениальная Восьмая — эта «трагедийная» песнь о безграничной выносившести человеческого сердца (Б. Асафьев), ни Тринадцатая с ее пламенной защищенной достоинства и свободы человека...

В свое время выдающийся советский пианист и педагог Генрих Нейгауз писал о родстве Шостаковича с Бетховеном и античным искусством: «в лице Шостаковича маятник истории опять качнулся в сторону классики». Все творчество композитора, и особенно такие его поздние творения, как Пятнадцатая симфония, Пятнадцатый квартет, последняя Соната для альта и фортепиано, стало блестящим подтверждением этой прозорливой мысли, высказанной еще в пору бурных новаторских исканий великого композитора.

Т. ГРУМ-ГРЖИМАЙЛО,
искусствовед.

НА СНИМКЕ: выдающийся советский композитор Д. Д. Шостакович.

(АПН).